

любивой лирики Пушкина конца 1810-х годов. Исследователи уже отмечали пересмотр Пушкиным в этих строфах своих прежних оценок революции.⁸ В политической обстановке начала 1820-х годов Пушкин приветствует революцию. «Человечество», «надежда», «волнение бурь народных», «площадь мятежная», «свободы яркий день», «рабство» — вот акцентные «слова-сигналы», формирующие стилистическую тональность стихов данных строф. Интонационный строй оды сохраняется, но фразеологический контекст определяется здесь комплексом традиций XVIII в., которые были восприняты Пушкиным ранее при создании оды «Вольность».

Вновь воздействие стилистического канона торжественной оды на поэтическую структуру стихотворения проявляется с 8-й строфы. Пушкин переходит к центральной части произведения, основу содержания которой составляет тема «Наполеон и Россия».

Мы видим, как снова меняется фразеологическая окраска стиха. «И се...», «росс», «колосс», «тиран», метафорическое уподобление «ступил на грудь ее Европы» — все это уже знаки, традиционные формулы панегирических гимнов победам русского оружия в одах XVIII в., Державина и Петрова. В батальных описаниях еще чувствуются следы стилизаций лицейского периода. Но в то же время здесь уже зарождается стиль патриотических стихотворений Пушкина 1830—1831-х годов. Романтический ореол вокруг имени Наполеона первых строф сменяется теперь типичной для оды формулой «тиран»:

И все, как буря, зашумело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.

«Проклятие племен» и знаменует ту «ненависть народов», почившую над урной с прахом Наполеона. И в этих строфах присутствие одической традиции закономерно подсказано патриотическим пафосом, пронизывающим концовку стихотворения. Последняя строфа содержит окончательную оценку значения Наполеона для исторических судеб России, оценку, которая у Пушкина уже не менялась в дальнейшем («Хвала!.. Он Русскому народу Высочий жребий указал...»).

⁸ См.: Томашевский Б. В. Пушкин, кн. I. М.—Л., 1956, с. 558—559.